

Р · И · Н · А · Т

ВАЛИУЛЛИН

Легкомыслие

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В15

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

В книге использованы рисунки автора —
Ринат Валиуллин

Художественное оформление — *Екатерина Фerez*

Внутреннее оформление — *Ирина Гришина*

Валиуллин, Ринат Рифович.

В15 Легкомыслие : [роман] / Ринат Валиуллин. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. —
(Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-117793-5

Легко ли сыграть роль любовницы на театральной сцене, если репетировать ее придется в личной жизни? И стоит ли так драматизировать, когда на кону мечта, а спектакль на каких-то пару актов? Новый роман Рината Валиулина — своеобразная матрешка, где одна история скрывается в другой, одна тема порождает множество, задевает за живое многих — роковых или легкомысленных, многообещающих или пустых. Смешивая настолько разные ингредиенты в одном блюде: природу любви и муки творчества, испанскую корриду и закулисную возню, грусть психоанализа и радость любопытства, — автор лукаво подает его под названием «Легкомыслие».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117793-5

© Валиуллин Р.Р., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Выход всегда есть.

Искренне ваша, Дверь

Клубок из сюжетных линий
прежде чем образовать узор
распадается на узелки, кото-
рые всегда последовательны.
Лишь иногда они нарушают
порядок, чтобы доставить суть
романа в нужное время в нуж-
ное сердце.

От Автора

Психо 1

Дождь капает, снег идет, время бежит. У Вселенной обычная утренняя зарядка. Мало того, что он постоянно сидел в ее голове, так иногда начинал бродить туда-сюда. Не было больше выхода, как налить ему бокал вина, чтобы он уgomонился. В итоге вчера налила два. Благо, что сегодня суббота. Она встала с постели, потянулась, достала, достала всех.

* * *

Я шла по улице, дома останавливались, долго смотрели, потом отворачивались от меня и в конце концов отставали. Может, походка выдавала, что я немного волновалась, ища поддержки, вглядывалась в небо. У неба были серые глаза, и это успокаивало.

— Добрый день, — сказала она в самые жабры домофона. — Мне нужен доктор Аурта.

— Добрый день. Вы по какому вопросу?

— По щепетильному.

— По щепетильному? — переспросили жабры поставленным мужским голосом.

— То есть мне нужна консультация. Я вам звонила две недели назад, может, помните?

— Хорошо, заходите, — засвистел доброжелательно вход, будто зеленый на пешеходном переходе дал добро. «Не помнит», — отметила про себя девушка. Потянула тяжелую дверь за ручку.

— От себя, — помог ей тот же голос. Теперь уже дверь схватилась за ее ручку и потянула на себя.

Я провалилась в подъезд, дверь за спиной закрылась, и оставила на пороге всякие сомнения. Внутри дома было тихо, пахло сталинизмом, за стеклом сидела бабушка в очках и что-то плела, то ли сплетни, то ли интриги. Увидев меня, она еще сильнее прижалась губами к телефону и встала, в это время сдвинулся с места лифт. Показалось даже, что между лифтом и ее посадкой есть какая-то

связь. Тяжелый, древний, он надвигался на первый этаж. Бабушка поправила стеклянные глаза и, ничего не сказав, села дальше плести свои кружева. Лифт сразу же остановился. «Прямая связь». Я поднялась по каменным ступеням. Лифт открылся, навстречу вышла та же самая бабка: «Вы к кому?» — «К доктору Аурта». — «Это второй этаж. Пешком вам будет ближе», — захлопнула она по-хозяйски его дверь. «Надо же? А пока молчала, была бабушкой». Ступени подняли меня на второй. Я остановилась напротив выдающейся двери под номером двадцать два, обитой черной кожей, и решительно позвонила. Через минуту замок тяжело захрустел суставами и открыл вид на мужчину в джинсах, рубашке и тапочках. «Неужели это доктор?»

— Проходите, — успокоил он девушку одним только словом. — Администратор сегодня ушла раньше, сам в роли портье.

— Мне кажется, одну из них я встретила, когда заходила в лифт.

— Вы про этих двух милых сестричек?

— Сестрички?

— Старушки тоже бывают близнецами. Я, когда в первый раз их увидел, думал, что

у меня раздвоение сознания. Потом привык. Им 180 на двоих.

— Солидно, — начала осваивать обстановку девушка. Тяжелая массивная мебель провожала ее из гардероба, где она оставила свое пальто, в кабинет, стены которого были из шкафов с книгами, последние теснились в очереди за стеклом с одним желанием: «Отдамся в добрые руки». Стены из кирпича, стены из букв, я — стена, доктор — стена, с той лишь разницей, что он уже открыл мне дверь, а мою? Я пришла за тем, чтобы он помог мне ее открыть.

— Присаживайтесь, — предложил психолог девушке место в большом кресле. Сам сел в другое, по диагонали, напротив. Хорошо, что стол остался сбоку и не мог нас разделять, иначе я непременно начала бы туда писать свои мысли. Дайте мне стол, и я найду, что туда написать.

Девушка играла в нерешительность. Было что-то нетронутое, несорванное в ее смуглом образе, будто пришла на съемки к Давиду Гамильтону, но не успела еще скинуть с себя теплое кремовое платье. Тот самый случай, когда образ еще не стал негативом.

— Садитесь, почувствуйте себя как у меня, — указал Герман на кресло, стоящее у стола.

Только теперь девушка как смогла украсила вискозным кремом кожаное кресло. Кресло показалось ей без удобств.

— Как вас зовут?

— Кто? — ляпнула внезапно девушка, исследуя кресло пятой точкой. В кресле было неудобно, не кресло, а чужая тарелка, из которой ее скоро психолог должен был съесть. Даже ее 42-й размер никак не мог найти себе места. Наконец, она закинула одну ногу на другую, колени встали одно на другое, как звенья в одной цепи. Теперь руки, не найдя им место, положила сверху на колени. Закрылась.

— Друзья.

— Друзья — Саня, Саша, родители — Шура.

— Очень приятно, Александра. Я — Герман Николаевич, для друзей — немец, для родителей — Гера.

— А почему немец? — стала она усиленно искать его во мне, будто хотела увидеть срочно подтверждения в виде каски, свастик

ки, Rammstein, на худой конец элегантного акцента.

— Герман — Германия — немец.

— Логично.

— Вам что больше нравится?

— Герман... Николаевич, — добавила она после паузы, рассматривая доктора. «Странный какой-то». У Саши не было большого опыта общения с психологами. Но доктора Аурта она представляла другим. Взрослого, в теле, в очках, с бородкой. В этом не было ничего похожего. «По крайней мере спокойный, но добрый», — заключила она про себя.

— Можно просто Герман, для экономии слов.

— Хорошо, Герман. Шла к вам долгих две недели, — в собрании сочинений заинтересовали Шуру часы на стене.

— Разве это долго? Две недели — это всего две субботы.

— Вы все субботами меряете?

— Не я, все так живут.

— А для меня это вечность, — все еще не могла оторваться от часов Саша. Собственно это была рама от картины, в которую вставили цифры и стрелки. Оригинальности до-

бавляло то, что рама была вытянутой, словно панорамный снимок... времени.

— Это потому что вы думали об этом постоянно.

— Это правда. И еще — о вашем слогане, он никак не выходил из головы:

«Выход всегда есть. Искренне ваша дверь».

— Неплохо, — удивленно натянул бровь как тетиву доктор, будто хотел стрельнуть взглядом на поражение.

— Вы сами это придумали? — увернулась от выстрела Саша.

— Нет, дверь.

— Вы смешной.

— Да, бывает, а вы... по какому вопросу? — снова попытался смутить пациентку доктор.

— Я тоже смешная, но вопрос сложный. Я даже не знаю, с чего начать, — на мгновение приоткрыла замок, но тут же снова захлопнула и вернула ладони на свое колено Александра. — А теперь он мне показался еще сложнее.

— Почему?

— Вы совсем не похожи на психолога.